

Введение

Закон любой страны мира оперирует огромным количеством оценочных категорий. Российский закон — не исключение. Нормативные правовые акты испещрены оценочными категориями самого разного толка — от давно известных («добросовестность», «злоупотребление правом») до, мягко говоря, вызывающих вопросы («явное неуважение к обществу», «социальная группа»).

Насколько законодатель свободен в применении данного хитроумного приема юридической техники? Как использование оценочных категорий соотносится с принципом правовой определенности? Могут ли быть сформулированы какие-либо критерии, устанавливающие допустимые пределы эксплуатации оценочных категорий?

Эти и другие вопросы с неизбежностью приходят на ум вдумчивого читателя при изучении нормативного материала любой отрасли законодательства. Именно так и родилась идея написания настоящей работы — стоило только взгляду ее автора всего-навсего задержаться на выражении «иные существенные нарушения» (абзац шестой п. 1 ст. 449 ГК РФ) при обращении к нормам о заключении договора на торгах.

Данная идея сразу же показалась весьма заманчивой. Дать ответ на приведенные вопросы — само по себе интересная и нелегкая задача, это во-первых. Во-вторых, не так много ученых пыталось это сделать — по крайней мере на русском языке и на основе анализа оценочных категорий именно российского законодательства. Наконец, в-третьих, выполнение подобного исследования невозможно без апеллирования к принципу правовой определенности — одному из самых удивительных (но, к сожалению, недостаточно полно изученных) принципов права.

Все указанные обстоятельства подогрели и без того живой интерес автора, и он предпринял попытку выработать собственный взгляд на проблему пределов допустимого использования оценочных категорий в законодательстве. Так и появилась эта небольшая книга, представляемая на суд читателя.

Автор надеется, что его скромный труд покажется читателю полезным, а также привлечет внимание других исследователей к проблеме оценочных категорий.

* * *

Перед тем как читатель приступит к чтению, автору следует сделать две оговорки.

Первое. Поскольку исследуемая проблематика невероятно широка по своему охвату, автор настоящей работы, выработав некий общий подход и тест на допустимость использования оценочных категорий в законе в принципе (§ 4 гл. 2), в дальнейшем сосредоточил свое внимание главным образом на оценочных категориях налогового, административно-деликтного и уголовного права (§ 5 гл. 2).

Второе. Эмпирическим материалом для написания данной работы послужили оценочные категории именно российского права. В то же время автор постарался провести уместные, на его взгляд, параллели с иными правовыми порядками, а также использовать по возможности не только российскую (решения Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ), Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ), иных судов Российской Федерации), но и зарубежную судебную практику (решения Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), Суда Европейского Союза (далее – Суд ЕС), Федерального конституционного суда ФРГ, Верховного суда США) и доктрину.

* * *

Автор выражает глубокую благодарность и признательность своему научному руководителю П.Д. Блохину за высказанные им при написании настоящей работы советы и ценные замечания, за участие, живой диалог и создание свободной творческой атмосферы.

Глава 1. Принцип правовой определенности в системе российского права и в мировой практике

§ 1. Сущность и понятие принципа правовой определенности

В литературе не без иронии отмечают: «...несмотря на свое название, принцип правовой определенности является, возможно, самым неопределенным по своему содержанию»¹. Действительно, в состав этого неоднородного понятия включаются самые разные компоненты: как правило, это принцип неопровержимости судебных решений (*res judicata*)² или требование качества закона³, но иногда принципу правовой определенности приписываются менее очевидные значения и он увязывается, например, с недопустимостью повторного осуждения за одно и то же преступление⁴, строгостью установленных законом сроков⁵ и даже с преюдициальностью⁶.

Весьма широкого подхода придерживается Европейская комиссия за демократию через право (далее — Венецианская комиссия), которая под правовой определенностью понимает совокупность восьми элементов: 1) доступности законодательства; 2) доступности решений судов; 3) предсказуемости законов; 4) стабильности и последовательности закона; 5) правомерных ожиданий; 6) отсутствия обратной силы

---

¹ Крыжан В.А. О содержании принципа правовой определенности // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 88.

² См., например: абзац третий п. 3.1 Постановления КС РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П; п. 61 описательно-мотивировочной части Постановления ЕСПЧ от 28 октября 1999 г. по делу «Брумареску (*Brumarescu*) против Румынии» (жалоба № 28342/95).

³ См., например: абзацы первый—третий п. 3 описательно-мотивировочной части Постановления КС РФ от 6 апреля 2004 г. № 7-П; п. 49 описательно-мотивировочной части Постановления ЕСПЧ от 26 апреля 1979 г. по делу «Санди Таймс» («*The Sunday Times*») против Соединенного Королевства» (жалоба № 6538/74).

⁴ Абзацы третий и четвертый п. 3.1 описательно-мотивировочной части Постановления КС РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П.

⁵ Сидоренко А.И. Принцип правовой определенности в судебной практике: имплементация решений Европейского Суда по правам человека: Дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2016. С. 45; п. 110 описательно-мотивировочной части Постановления ЕСПЧ от 20 февраля 2014 г. по делу «Шишков (*Shishkov*) против России» (жалоба № 26746/05).

⁶ Абзацы 5 и 8 п. 3.1 описательно-мотивировочной части Постановления КС РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П.

закона; 7) принципов *nullum crimen sine lege* и *nullum poena sine lege*; 8) принципа *res judicata*¹.

Подобная инклюзивность на первый взгляд вызывает недоумение: действительно ли принцип правовой определенности так многолик? Неужели все упомянутые требования являются его составляющими? Если это так, в чем же его (принципа) сущностная характеристика, которая сводит все восемь аспектов воедино?

Весьма глубокий ответ на эти вопросы дает М.В. Пресняков, который предлагает различать определенность формальную (определенность права) и определенность материальную («определенность правового положения личности»)². Первичной является материальная определенность, а требования «[о]пределенност[и] правовых предписаний, недопустимост[и] их произвольного изменения и т.п. являются лишь средствами достижения этой общей цели»³ (здесь и далее в квадратных скобки заключен текст, процитированный автором с изменени-

¹ Контрольный список вопросов для оценки соблюдения верховенства права: Исследование № 711/2013 (Страсбург, 18 марта 2016 г.) (CDL-AD(2016)007). С. 18–20 // [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2016\)007-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2016)007-rus). Примерно тот же перечень можно встретить и в других источниках: «Принцип правовой определенности включает в себя, но не исключительно, следующие: нормативные акты должны быть опубликованы, должны быть ясными и точными, решения судов должны быть обязательными и исполняться, обратная сила нормативных актов должна устанавливаться в исключительных случаях, законные интересы и ожидания сторон должны быть защищены» (абзац четвертый п. 2 Особого мнения судьи Т.Н. Нешатаевой по Решению Суда ЕврАзЭС от 10 июля 2013 г. по делу № 1-6/1-2013). Впрочем, встречаются и более длинные перечни компонентов принципа правовой определенности. Например, польский автор А. Печеник (*A. Peczenik*) привел список из 20 элементов, указав, что концепция правовой определенности является «расплывчатой» (*vague*) (см.: *Raitio J. The Principle of Legal Certainty in EC Law. Kluwer Academic Pub., 2003. P. 338–339*). Известный американский философ права Л.Л. Фуллер в знаменитой книге «Мораль права» на примере вымышленной притчи о короле-неудачнике показал «восемь способов потерпеть неудачу, составляя закон», и восемь соответствующих требований к закону, которые по существу относятся к элементам принципа правовой определенности: всеобщность, обнародование, неретроактивность, ясность, непротиворечивость, осуществимость, стабильность, реальность (*Фуллер Л.Л. Мораль права / Пер. с англ. Т. Даниловой; Под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2007. С. 47, 53, 61–112; см. также: Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. СПб.: НИУ ВШЭ, 2010. С. 128–129; Дикарев И.С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе: Монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. С. 12–13*).

² *Пресняков М.В. Правовая определенность: формальный и материальный аспекты // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14. Вып. 4. С. 669.*

³ Там же.

ем регистра букв и падежных окончаний для связности текста, а также пояснения автора. — *Прим. ред.*).

Действительно, точность законодательных формулировок, стабильность действующего регулирования, неопровержимость судебных решений и пр. не являются самостоятельными ценностями — они важны лишь постольку, поскольку обеспечивают стабильность и предсказуемость самих правоотношений, ясность и постоянство в юридическом положении субъектов права. Эта мысль находит множество подтверждений.

Так, еще в начале XX в. классик дореволюционной юриспруденции И.А. Покровский писал: «Если каждый отдельный человек должен подчиняться праву, если он должен приспособлять свое поведение к его требованиям, то очевидно, что *первым условием упорядоченной общественной жизни является определенность этих требований*. Всякая неясность в этом отношении противоречит самому понятию правопорядка и *ставит человека в весьма затруднительное положение: неизвестно, что исполнять и к чему приспособляться*»¹ (здесь и далее, кроме оговоренных случаев, курсив мой. — Э.Б.). В словах великого ученого, таким образом, прослеживается довольно простая мысль: неопределенность регулирования ведет к неопределенности положения личности.

В то же время право как раз призвано обеспечивать порядок, стабильность, постоянство. «...Право, его главное назначение и его главная функция, — это внесение правовой определенности в человеческие отношения», — пишет В.Ф. Яковлев². О стабилизирующей функции права рассуждал профессор О.Э. Лейст, полагая, что его (права) «[с]оциальной целью... являются упорядочение, стабилизация общественных отношений, создающая в обществе возможность прогнозирования, уверенность в завтрашнем дне»³. Эта цель невероятно важна, ведь человек как существо социальное, указывает Н.В. Варламова, нуждается в «предсказуемости, устойчивости, стабильности» во взаимодействии с себе подобными⁴, а неопределенность, как отмечает

---

¹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. 8-е изд. М.: Статут, 2020. С. 91.

² Яковлев В.Ф. Правовая система России — состояние и проблемы // Яковлев В.Ф. Правовое государство: вопросы формирования. М.: Статут, 2012. С. 263; см. также: Лившиц Р.З. Теория права: Учебник. М.: БЕК, 2001. С. 67—68.

³ Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / Под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. С. 96.

⁴ Варламова Н.В. Нормативность права: проблемы интерпретации // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 4. С. 76. Как справедливо отмечает ученый, эти идеи «[в] концентрированном юридико-догматическом виде»

Н.А. Власенко, есть «нежелательное для личности состояние, от которого она старается уйти»¹.

Ученым вторит КС РФ, по мнению которого как предсказуемость законодательной политики, так и точность и конкретность правовых норм «необходим[ы] для того, чтобы участники соответствующих правоотношений могли в разумных пределах *предвидеть* последствия своего поведения и быть уверенными в *неизменности* своего официально признанного статуса, приобретенных прав, действительности их государственной защиты»². Аналогичной позиции придерживается и ЕСПЧ, полагая, что правовая норма должна быть «сформулирована с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину *сообразовывать* с ней свое поведение: он должен иметь возможность — пользуясь при необходимости советами — *предвидеть*, в разумной применительно к обстоятельствам степени, последствия, которые может повлечь за собой то или иное действие»³.

Более того, внимательное изучение актов КС РФ показывает, что сам Суд разграничивает различные значения принципа правовой определенности. Показательным в этом отношении является Постановление КС РФ от 23 декабря 2013 г. № 29-П (заявитель — М.В. Кондрачук), в котором правовая определенность упоминается в двух разных смыслах: как «определенность правового регулирования» (абзац первый п. 5) или же «формальная определенность норм» (абзац первый п. 5.2) и как материальная определенность. В последнем случае КС РФ хотя и не использует выражение «материальная определенность», все же, как представляется, говорит именно о ней, поскольку нарушение данного принципа Суд усматривает в том, что в результате принятия Постановления Пленума ВС РФ официальное толкование норм ГК РФ о направленном отказе от наследства сменилось на прямо противоположное ранее действовавшему и указанное разъяснение воспринимается практикой

заклучены в принцип правовой определенности (*Варламова Н.В.* Принцип правовой определенности как выражение социального назначения права // Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики: Материалы XII международной научно-практической конференции: В 3 ч. / Отв. ред. В.М. Сырых, В.Н. Власенко. М.: РГУП, 2018. Ч. I. С. 163).

¹ *Власенко Н.А.* Разумность и определенность в правовом регулировании: Монография. М.: ИЗИСП; ИНФРА-М, 2014. С. 99.

² Абзац второй п. 2 описательно-мотивировочной части Постановления КС РФ от 29 января 2004 г. № 2-П.

³ Пункт 49 описательно-мотивировочной части Постановления ЕСПЧ от 26 апреля 1979 г. по делу «Санди Таймс» («*The Sunday Times*») против Соединенного Королевства» (жалоба № 6538/74).

как предполагающее ретроактивное его применение (п. 5.2). Следовательно, полагает КС РФ, «в отношении участников возникших до 29 мая 2012 года наследственных правоотношений, которые соотносили свои действия с законом в его прежнем официальном толковании и полагали, что они могут *предвидеть* последствия этих действий и быть уверенными в *неизменности* приобретенных ими прав... оказывается нарушенным принцип правовой определенности» (абзац пятый п. 5.2)¹.

В практике ВС РФ также можно встретить упоминание правовой определенности в материальном смысле. Например, в одном из определений Судебной коллегии по экономическим спорам (далее – СКЭС) указывается: «...произвольный отказ налоговых органов от исполнения принятого ими решения ставит добросовестно действовавшего налогоплательщика *в состояние правовой неопределенности* в отношениях с государством...»².

Суд ЕС указывает: «...принцип правовой определенности... требует ясности и точности правовых норм и нацелен на обеспечение предсказуемости ситуаций и правоотношений, регулируемых правом Сообщества»³.

В зарубежной литературе «правовая определенность» также понимается в материальном смысле, а потому увязывается с «правовой безопасностью». Данные термины в целом употребляются как синонимы,

---

¹ См. также, например, абзац второй п. 2.3 Постановления КС РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П («...федеральный законодатель призван обеспечивать *правовую определенность*, стабильность и предсказуемость в сфере гражданского оборота, поддерживая как можно более высокий уровень взаимного доверия между субъектами экономической деятельности и создавая все необходимые условия для эффективной защиты права собственности и иных имущественных прав» (в данном случае КС РФ также, очевидно, имеет в виду материальную определенность), абзац шестой п. 2 описательно-мотивировочной части Постановления КС РФ от 4 июня 2015 г. № 13-П («*Определенность и конкретность предписаний закона*, стабильность и предсказуемость в сфере гражданского оборота, высокий уровень взаимного доверия между субъектами экономической деятельности *предполагаются в числе прочего общеправовым принципом правовой определенности...*» (еще более явный пример разграничения определенности формальной и материальной)), абзац второй п. 3 описательно-мотивировочной части Постановления КС РФ от 14 июля 2005 г. № 9-П («...в целях достижения стабильности правопорядка, *правовой определенности*, устойчивости сложившейся системы правоотношений при юридически обеспеченной возможности сбора и закрепления доказательств правонарушения... законодатель ввел институт давности привлечения к налоговой ответственности за совершение налоговых правонарушений»).

² Определение СКЭС ВС РФ от 21 февраля 2017 г. № 305-КГ16-14941 по делу № А40-89628/2015.

³ C-63/93, *Fintan Duff and Others v. Minister for Agriculture and Food, Ireland, and the Attorney General*, [1996] ECR I-00569, para. 20.

и оба являются в равной мере допустимыми переводами немецкого выражения «*Rechtssicherheit*»¹. В то же время одни авторы полагают, что точного перевода этого немецкого термина не существует², тогда как другие исходят из того, что наиболее верно его суть отражает именно выражение «правовая безопасность»³. Явный акцент на безопасности личности имеет французский вариант — «*sécurité juridique*»⁴. Какими бы ни были наименования, перед нами, заключает Г.А. Гаджиев, одна «широкая концепция, стержнем которой является *предсказуемость*»⁵.

Иногда (правда, весьма редко) в решениях КС РФ можно встретить упоминание именно «правовой безопасности». Так, например, в одном из дел Суд указал, что максима *non bis in idem* («не дважды за одно и то же») является по сути «конкретизацией общеправового принципа справедливости и направл[ен] на обеспечение *правовой безопасности* и правовой определенности и стабильности»⁶.

Правовая безопасность (определенность) может пониматься не только в объективном смысле (как принцип), но и в субъективном

¹ Peczenik A. On Law and Reason. Springer, 2009. P. 24.

² Ibidem; Poitreszcz J. Legal Security – Synthetic Presentation // Teka Komisji Prawniczej. 2016. T. IX. S. 140.

³ Панкратова В. Принцип правовой определенности в европейском праве // Legea și viața. 2015. № 7(3). С. 64; Сидоренко М.В. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права: Дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 32–33. При этом М.В. Сидоренко указывает, что именно немецкий термин «*Rechtssicherheit*» «методологически точно» указывает на назначение правовой определенности, которое состоит в «обеспечении особого правового состояния стабильности и безопасности функционирования как самого общества и государства, так и «рядовых» его членов, требующих стабильности правового статуса, правовых отношений, последствий применения права» (Сидоренко М.В. Указ. соч. С. 34). Переводчики фундаментальной работы Р. Алекси «Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму)» отмечают, что «*Rechtssicherheit*» может переводиться с немецкого как «определенность», «безопасность», «стабильность» и «устойчивость» (см.: Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / Пер. с нем. А.Н. Лаптева, Ф. Кальшойера (= Германская юридическая литература: современный подход. Кн. 1). М.; Берлин: Инфотропик Медиа, 2011. С. 25 (сн. *)).

⁴ Дикарев И.С. Указ. соч. С. 4.

⁵ Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики (развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М.: Юрист, 2002. С. 82.

⁶ Абзац четвертый п. 3.1 описательно-мотивировочной части Постановления КС РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П; см. также абзац третий п. 2 Постановления КС РФ от 4 февраля 2019 г. № 8-П. Вместе с тем КС РФ ставит «правовую безопасность» в один ряд с принципами справедливости и соразмерности (см., например: абзац второй п. 2 описательно-мотивировочной части Постановления КС РФ от 16 июня 2009 г. № 9-П; абзац пятый п. 2 описательно-мотивировочной части Определения КС РФ от 28 февраля 2019 г. № 316-О).

смысле, т.е. как право. Здесь вновь не обойтись без слов И.А. Покровского: «Индивид, поставленный лицом к лицу с обществом, государством, имеет *право* требовать, чтобы ему было этим последним точно указано, чего от него хотят и какие рамки ему ставят. Логически это *право на определенность* правовых норм есть одно из самых неотъемлемых прав человеческой личности, какое только себе можно представить; без него, в сущности, вообще ни о каком «праве» не может быть речи»¹. Современные авторы соглашаются с великим ученым в этом отношении, рассматривая право на правовую определенность как естественное право², как право «знать и понимать свое правовое положение в обществе и государстве»³, развивая тем самым идеи И.А. Покровского⁴.

Таким образом, сущность правовой определенности — в обеспечении определенности правового положения личности, что предполагает ясность, стабильность и предсказуемость⁵ и в конечном счете защиту

---

¹ Покровский И.А. Указ. соч. С. 91. Взгляд на правовую определенность как на право не чужд и зарубежной доктрине (см., например: *Bernitz U., Nergelius J. General Principles of European Community Law (= European Monographs. Vol. 25). Kluwer Law International, 2000. P. 163*). Польский автор Е. Врублевский также понимает правовую определенность в объективном смысле («предсказуемость в правотворчестве и правоприменении») и в субъективном («чувства субъектов относительно стабильности права и правовой безопасности») (см.: *Wróblewski J. Functions of Law and Legal Certainty // Anuario de filosofia del derecho. 1973–1974. Vol. 17. P. 314*; см. также: *Cherneva B. Legal Security as a Principle of Lawmaking // Globalization, the State and the Individual. 2017. No. 2(14). P. 24; Potrzęszcz J. Op. cit. P. 141–142*).

² Романич Ю. Правовая определенность или безнаказанность? // эж-Юрист. 2011. № 49 (СПС «КонсультантПлюс»).

³ Рукавишникова (Плашевская) А.А. Генезис категории «правовая определенность» в современной юридической науке // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 3(13). С. 79.

⁴ Более того, как отмечается в литературе, право на безопасность или же «право быть в безопасности» («*right to be secure*») было закреплено еще во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Первоначально «безопасность» понималась широко и включала в себя не только личную безопасность (*personal security*), но и правовую определенность. См.: *Lelieur J. 'Transnationalising' Ne Bis In Idem: How the Rule of Ne Bis In Idem Reveals the Principle of Personal Legal Certainty // Utrecht Law Review. 2013. Vol. 9. Issue 4. P. 210*.

⁵ В одном из дел КС РФ указал, что «законодатель... вправе устанавливать, изменять и отменять сроки исковой давности в зависимости от цели правового регулирования и дифференцировать их при наличии к тому объективных и разумных оснований, а также закреплять порядок их течения во времени, с тем чтобы обеспечивались возможность исковой защиты права, *стабильность и предсказуемость правового статуса субъектов правоотношений*» (абзац первый п. 1.2 Постановления КС РФ от 5 марта 2019 г. № 14-П). Иными словами, КС РФ ограничивает законодательную дискрецию необходимостью соблюдения принципа правовой определенности в материальном его аспекте.

от произвола¹. Именно поэтому неточными, бессодержательными, не раскрывающими сути видятся определения² принципа правовой определенности, сводящиеся лишь к простому перечислению его элементов³.

Кроме того, подобные определения *a priori* не способны показать все стороны принципа правовой определенности, которых существует превеликое множество⁴. Лишь взгляд на правовую определенность как на определенность материальную дает судебной практике возможность открывать все новые и новые грани применения этого многоаспектного принципа.

Именно такое понимание определенности позволило, например, КС РФ указать: «Институт государственной регистрации прав на недвижимое имущество был введен федеральным законодателем как призванный... обеспечивать правовую определенность в сфере оборота недвижимого имущества...»⁵ Но почему это так? КС РФ продолжает, делая явную отсылку именно к материальной определенности: названный институт необходим, «с тем чтобы участники гражданских

¹ См., например: абзац третий п. 4 описательно-мотивировочной части Постановления КС РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П («*Неопределенность* содержания правовой нормы... допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и *неизбежно ведет к произволу...*»); абзац первый п. 5 описательно-мотивировочной части Постановления КС РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П (неустановление «точных и четких оснований, условий и порядка пересмотра вступивших в законную силу судебных решений... приводило бы к нестабильности правовых отношений, *произвольности* изменения установленного судебными решениями правового статуса их участников и *тем самым — к нарушению общепризнанного принципа правовой определенности*»).

² См., например: *Таранец Ю.С.* Реализация принципа правовой определенности при обременении прав на имущество // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2018. № 1 (СПС «КонсультантПлюс»). Кроме того, во многих работах, посвященных принципу правовой определенности, даже не предпринимаются попытки его дефинировать; в большинстве случаев исследование ограничивается анализом содержания данного принципа и указанием на его многоаспектность (см., например: *Дикарев И.С.* Указ. соч. С. 12–13; *Крыжан В.А.* Указ. соч. С. 91–98; *Рехтина И.В.* Многоаспектный характер категории «правовая определенность» в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации // Российский судья. 2019. № 7. С. 51–54).

³ В юридической науке принято выделять так называемые «структурные» определения, отображающие «признаки, характеризующие структуру, строение предмета, мыслимого с помощью определяемого понятия» (см.: *Черданцев А.Ф.* Логико-языковые феномены в юриспруденции. М.: Норма; ИНФРА-М, 2012. С. 57). В то же время применительно к правовой определенности использование структурного определения видится неудачным ввиду необъятности этого принципа. Гораздо более уместным смотрелось бы определение функциональное, т.е. определение сущности объекта через выполняемую им функцию (о функциональных определениях см. там же. С. 58).

⁴ *Raitio J.* Op. cit. P. 127.

⁵ Абзац четвертый п. 3.1 описательно-мотивировочной части Постановления КС РФ от 4 июня 2015 г. № 13-П.

правоотношений имели возможность в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав и обязанностей...»¹. Попытки же объяснить, почему данный институт обеспечивает правовую определенность, сквозь призму компонентов этого принципа вряд ли увенчаются успехом, потому что государственная регистрация недвижимости не укладывается ни в один из аспектов правовой определенности, выявленных, скажем, той же Венецианской комиссией. Оно и понятно: составленный Комиссией перечень является лишь иллюстративным и примерным – реальное же содержание принципа правовой определенности намного шире, и именно в подобной универсальности как раз и состоит его большая ценность.

Отсюда наиболее предпочтительными представляются сущностные определения принципа правовой определенности. Например, А.А. Рукавишникова (Плашевская) под правовой определенностью понимает «совокупность юридических норм и институтов, обеспечивающих предвидение человеком и гражданином своего положения в обществе и государстве»². Примерно в том же ключе подходит к понятию правовой определенности Ю. Романец: по его утверждению, «это ясность относительно наличия прав и обязанностей в конкретном правоотношении»³. Еще более точную дефиницию приводит А.Ю. Алаторцев: «...правовая определенность – это доступность для понимания субъектом права содержания его правового статуса и предсказуемость изменения этого статуса»⁴. Менее удачным видится

---

¹ Там же. Кроме того, данный реестр обладает особой значимостью для поддержания определенности в налоговых отношениях. Например, в одном из дел КС РФ указывал, что «именно на государстве лежит обязанность обеспечения достоверности предоставляемых налогоплательщику-организации сведений, необходимых ему для целей налогообложения» и что «налогоплательщик не должен нести бремя неблагоприятных налоговых последствий, вызванных как неопределенностью положений законодательства, так и ненадлежащим применением норм государственными и муниципальными органами», поэтому какие-либо их действия (бездействие), «которые повлекли включение в Единый государственный реестр недвижимости... неактуальной... кадастровой стоимости, сами по себе не могут служить безусловным основанием для изменения порядка определения налоговой базы по земельному налогу, а также влечь доначисление налогоплательщику сумм недоимки и пени...» (абзац седьмой п. 3 описательно-мотивировочной части Постановления КС РФ от 28 февраля 2019 г. № 13-П). Отсюда можно сделать вывод, что публичная достоверность государственных реестров также есть в некотором смысле следствие принципа правовой определенности.

² Рукавишникова (Плашевская) А.А. Указ. соч. С. 79.

³ Романец Ю. Указ. соч.

⁴ Алаторцев А.Ю. Правовая определенность уголовно-правового запрета: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 42.

определение, данное Р. Масаладжиу: «Принцип правовой определенности в общем плане заключается в ясности и четкости действующих правовых норм, устойчивости законных и обоснованных судебных актов, а также стабильности складывающихся на их основе правоотношений, чтобы заинтересованные лица с разумной степенью вероятности могли предвидеть последствия применения к ним судом действующих правовых предписаний и в соответствии с этим предвидеть последствия выбора того или иного варианта своего поведения»¹. Несомненным достоинством данной дефиниции является указание на материальную определенность, т.е. раскрытие сущностного признака; в то же время очевидны и недостатки: попытка (безуспешная) перечислить все аспекты принципа правовой определенности и чрезмерная громоздкость.

С учетом изложенного принцип правовой определенности следует определить следующим образом: это универсальный принцип права, обеспечивающий ясность, стабильность и предсказуемость правового положения личности. Максимально кратко: это принцип, обеспечивающий определенность правового положения личности как состояние. Наиболее типичные элементы же (компоненты, аспекты или, точнее говоря, следствия², «дочерние категории»³) данного принципа целесообразно рассматривать отдельно.

¹ Масаладжиу Р. Принцип правовой определенности в науке, практике ЕСПЧ и его влияние на доступность правосудия на стадии надзорного производства в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 7 (СПС «КонсультантПлюс») (выделение в оригинале опущено).

² Например, в ряде дел Суд ЕС прямо указывал, что принцип защиты правомерных ожиданий является следствием (*corollary*) более общего принципа правовой определенности (см.: C-63/93, *Fintan Duff and Others v. Minister for Agriculture and Food, Ireland, and the Attorney General*, [1996] ECR I-00569, para. 20; C-107/97, *Criminal proceedings against Max Rombi and Arkopharma SA, party liable at civil law*, [2000] ECR I-03367, para. 66). По мнению КС РФ, принцип *res judicata* «основан» на требовании правовой определенности (см. абзац третий п. 9.2 описательно-мотивировочной части Постановления КС РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П). ВС РФ в одном из недавних дел признал подзаконный акт не соответствующим «общеправовому критерию правовой определенности и *вытекающим* из него требованиям ясности, недвусмысленности и согласованности правовых норм» (см. Решение ВС РФ от 23 января 2020 г. № АКПИ19-899). Действительно, «следствие» — наиболее уместный здесь термин, однако для целей удобства в настоящей работе слова «элементы», «аспекты», «компоненты», «следствия» и пр. применительно к содержанию принципа правовой определенности используются в качестве синонимичных.

³ Умнова (Конюхова) И.А., Алешкова И.А. Применение Конституции Российской Федерации судами общей юрисдикции: актуальные вопросы теории и практики: Монография. М.: РГУП, 2016. С. 31 (автор разд. 1.2 — И.А. Умнова (Конюхова)).

§ 2. Содержание принципа правовой определенности

Выявив сущность правовой определенности, перейдем к рассмотрению его содержания, взяв за основу предложенный Венецианской комиссией перечень наиболее значимых аспектов данного принципа.

Доступность законодательства и решений судов. В сущности, ни о какой определенности правового статуса индивида не может быть и речи, если у заинтересованных лиц отсутствует доступ к законодательству и судебной практике. Отсюда, по мнению ЕСПЧ, выражение «предусмотрены законом» (требование законности как элемент пропорционального анализа) предполагает доступность права, позволяющую гражданам ориентироваться в подлежащих применению нормах¹. В Постановлении от 27 марта 2012 г. № 8-П (заявитель – И.Д. Ушаков) КС РФ демонстрирует корреляцию между требованием доступности законодательства и материальной определенностью в еще более явном виде, отмечая, что «[т]ребование обнародования нормативного правового акта от имени государства компетентным органом публичной власти обусловлено общепризнанным принципом правовой определенности, на основе которого устанавливаются отношения государства и индивида, и означает всеобщее оповещение о том, что данный нормативный правовой акт принят и подлежит действию в изложенном аутентичном содержании»².

Требование доступности законодательных актов (в том числе их официального опубликования), кроме того, имеет особое значение, поскольку теснейшим образом связано с общеправовой презумпцией знания законов, известной также в качестве знаменитой латинской формулы «незнание закона не освобождает от ответственности» (*ignorantia juris nocet*)³. Данная презумпция со всей очевидностью

---

¹ См., например: п. 27 описательно-мотивировочной части Постановления ЕСПЧ от 24 апреля 1990 г. по делу «Крюслен (*Kruslin*) против Франции» (жалоба № 11801/85); п. 49 описательно-мотивировочной части Постановления ЕСПЧ от 26 апреля 1979 г. по делу «Санди Таймс» («*The Sunday Times*») против Соединенного Королевства» (жалоба № 6538/74).

² Абзац восьмой п. 2 описательно-мотивировочной части Постановления КС РФ от 27 марта 2012 г. № 8-П.

³ Наличие бесплатного общедоступного интернет-портала, где официально публикуются тексты правовых актов, обеспечивает реальную возможность ознакомления с ними, а значит,крепнет фундамент, на котором зиждется презумпция знания закона. Роль такого интернет-портала в России выполняет сайт www.pravo.gov.ru (см. ст. 9.1 Федерального закона от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» (в ред. от 1 мая 2019 г.).